

УДК 811.35

DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-69-84

**ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА И БЕСПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ КУБАЧИНСКОГО ЯЗЫКА)****Амирбек Дж. Магомедов**Институт языка, литературы и искусства им. Г.Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
Российская Федерация

Цель исследования – показать роль влияний городской культуры на бытование, забывание бесписьменного кубачинского языка. В конце XIX в. и вплоть до середины 1960-х годов XX в. компактное проживание, слабые процессы проникновения в село городской культуры и русского языка, сохранение основных элементов традиционного быта создавали основу для сохранения исторической языковой культуры, обеспечивали ее устойчивое функционирование. В последней трети XX – начале XXI в. в связи с развитием школьного образования (с 1960-х годов в с. Кубачи обучение детей в школе велось на русском языке), распространением городской культуры, ростом числа СМИ, выездом многих жителей с. Кубачи на постоянное жительство в различные города возникают проблемы утраты родного языка многими носителями кубачинского языка, возникновение такого явления, как кубачинско-русский билингвизм, в практиках которого превалирует использование русской лексики. Общественность в последние годы озабочена этими проблемами кубачинского языка. В качестве мер по его сохранению и ревитализации сегодня можно рекомендовать научное изучение языка, подготовку самоучителей, других пособий, использование компьютерных технологий.

Ключевые слова: *социолингвистика, бесписьменные языки Дагестана, кубачинский язык, городская культура XX в.*

URBAN CULTURE AND ORAL LANGUAGE (ON THE MATERIALS OF THE KUBACHI LANGUAGE)**Amirbek Dzh. Magomedov**G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art,
Dagestan Federal Research Centre of the RAS,
Russian Federation

The aim of the study is to show the role of the influence of urban culture on the existence and forgetting of the non-written Kubachin language. At the end of the nineteenth century and up to the mid-1960s of the twentieth century, compact living, weak processes of penetration of urban culture and the Russian language into the village, the preservation of the main elements of traditional life created the basis for the preservation of historical language culture, ensured its sustainable functioning. In the last third of the XX – beginning of the XXI century, in connection with the development of school education (since the 1960s, in Kubachi village, teaching children at school was conducted in Russian), the spread of urban culture, the growth of the number of mass media, the departure of many residents of the village of Kubachi for permanent residence in the cities of the RD, the Russian Federation, the USSR, there are problems of forgetting their native language by many native speakers of the Kubachin language, the emergence of a phenomenon such as Kubachin-Russian bilingualism, in the practices of which the use of Russian vocabulary prevails. In recent years, the

public has been concerned about these problems of the Kubachin language. As measures of its preservation and revitalization today, we can recommend scientific study of the language, the preparation of self-help books, other manuals, and the use of computer technologies.

Keywords: *sociolinguistics, non-written languages of Dagestan, the Kubachi language, urban culture of the twentieth century*

В статье проанализируем роль влияний городской культуры XX в. на языковую среду носителей одного из дагестанских бесписьменных языков – кубачинского языка. Поясним, что термин «кубачинский язык» связан с этнонимом «кубачинцы», названием одной из этнических групп (народностей) даргинцев Дагестана, сформировавшихся на Кубачино-даргинском нагорье Дагестана. Кубачи – один из древних населенных пунктов Дагестана и России. Первые сведения о Кубачи (Зирихкеран) относятся к IX в. и касаются событий VI в. Более ранняя история Кубачи (куб. ГЮгъябажила) малоизвестна, т.к. здесь не проводились археологические раскопки. В ближайшей округе Кубачи находились в прошлом и села Сулевкент (куб. Сулечила) и Ашты (куб. АштГала), жители которых и сегодня говорят на кубачинском языке. На базе компактного расположения сел (от «материнского» села Кубачи Сулевкент и Ашты в прошлом находились на расстоянии 2–3 км) и сформировался бесписьменный язык, состоящий из трех говоров. В XIII в. жители Ашты переселились от Кубачи, и сегодня это село расположено в 40 км к северо-западу от Кубачи, а жители с. Сулевкента были насильно переселены в 1944 г. в Чечню на места проживания депортированных чеченцев. В 1957 г. сулевкентцы вернулись в Дагестан, они создали новое село Сулевкент в равнинном Хасавюртовском районе. Таким образом, исторически носителями кубачинского языка являются жители сел Кубачи, Сулевкент, Ашты, а также уроженцы этих сел, живущие сегодня в городах, в других населенных пунктах России.

Источники

История кубачинского языка в XX столетии, когда начала развиваться городская культура и она стала влиять на языковые процессы, известна по немногочисленным памятникам. Речь идет о письменных памятниках, относящихся к концу XIX в. Так, по кубачинскому языку того времени известен Посемейный список с. Кубачи, составленный в 1886 г. и написанный на русском языке [Магомедов, 2018: 32–110]. Ценным для исследователей истории кубачинского языка является очерк о быте и традициях кубачинцев, изданный известным российским ученым Д.Н. Анучиным, побывавшем в Кубачи в 1882 г., т.е. за несколько лет до составления указанного списка [Анучин, 1884: 5–31]. Для изучения истории кубачинского языка ценна и рукопись,

написанная на кубачинском языке в начале XIX в. арабографическим письмом аджам. На сегодня она еще не переведена на русский язык. Факсимиле рукописи опубликовано в сборнике «“Дербенд-наме” на языках народов Дагестана» [Дербенд-наме, 2012]. «Дербенд-наме» – дагестанская историческая летопись, очень важное историческое сочинение, известное в многочисленных списках как на арабском, персидском, тюркском языках, так и на языках народов Дагестана, в том числе на кубачинском языке. Основные ее темы: политика Ирана в Дагестане, исламизация региона, взаимоотношения арабских полководцев с местными правителями. Хронологические рамки ее списков охватывают события раннего средневековья, чаще всего V–VIII вв. или V–XI вв. В указанном сборнике опубликован и неполный «кубачинский список» рукописи. «Дербент-наме» на кубачинском языке – рукопись, написанная на арабской графике аджам. Для воспроизведения ее в печати кубачинский текст был подготовлен исследователем А.И. Исаевым [Дербенд-наме, 2012: 11, 160–182]. Опубликованные и недостающие в публикации фрагменты рукописи на кубачинском языке, по информации к.ф.н. Г.Г. Тиккаева, хранятся в Отделе восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН.

Для советского времени основными источниками изучения кубачинского языка стали полевые исследования ученых. Много работал в этом направлении известный кавказовед А.А. Магометов, написавший по итогам изучения данного языка фундаментальное исследование «Кубачинский язык» [Магометов 1963: 1–341]. В конце XX – начале XXI в. изучением кубачинского языка занимались также исследователь А.Дж. Магомедов, краевед Н.И. Саидов-Аккутта, фольклористы Ф.О. Абакарова, Ф.А. Алиева, М.А. Мунгиева. В это же время появились публикации рассказов, песен на кубачинском языке профессора И.А. Шамова, поэта М.А. Ахмедова [Магомедов, Саидов-Аккутта, 2017: 503–507].

Полевые исследования дополнялись наблюдениями энтузиастов, уроженцев с. Кубачи. В частности, автор настоящей статьи (уроженец села) с 1960-х годов мог наблюдать многие языковые процессы, связанные с родным языком, и ролью городской культуры в его развитии в 1960–2000-е годы. Эти наблюдения мы будем использовать в статье.

Городская культура в жизни кубачинцев в первой половине XX в.

В историческом прошлом кубачинцы вели торговлю, ездили на заработки через известный г. Дербент. В конце XIX – начале XX в. ситуация в Дагестане значительно меняется. Развивается областной город Дагестана Темир-Хан-Шура, куда выезжают по торговым делам многие кубачинцы, широкое развитие получает отходничество (выезд на заработки) кубачинских мастеров (ювелиров). Выезжают мастера-кубачинцы в города Кавказа (Баку,

Тифлис, Владикавказ, Грозный и др.), в Россию (Краснодар, Петербург), в Варшаву. Особо активно выезжают кубачинцы в соседний г. Дербент, куда можно было добраться за день.

После Гражданской войны многие мастера вернулись в родное село. Но со стабилизацией обстановки (переход к НЭПу) они вновь начинают выезжать в города (Баку, Кисловодск, Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Кизляр и др.). В это время городская культура начинает влиять на кубачинские языковые процессы и через бытовую культуру: новые фасоны одежды, утварь, развитие первых СМИ (газеты и др.). Особое влияние на динамику развития кубачинского языка в 1930–1940-е годы оказывает переселение кубачинцев в города во время Великой Отечественной войны. Многие кубачинцы выезжают в связи с индустриализацией (например, в Каспийск), с возрождением художественных промыслов кавказских республик (в Грузию, Осетию и др.).

Такие процессы были более характерны для кубачиноговорящего населения с. Кубачи. Жители же села Ашты слабо контактировали с городской культурой. У них более устойчиво сохранялся традиционный быт, сельскохозяйственное производство. Коммуникационные связи с городской культурой у них были еще слабыми. Что касается с. Сулевкента, то отселение в 1944 г. его жителей с традиционного места проживания в Чечню и последующее возвращение их в Дагестан определенно сказалось на местном говоре кубачинского языка. Но влияние городской культуры на язык его жителей здесь стало сказываться лишь в 1960–1970-е годы, когда жители с. Сулевкента стали уезжать бригадами в сезонный отход (на 4–5 месяцев) на заработки в Среднюю Азию и Россию, где совершенствовалась разговорная практика на русском языке. Сулевкентцы регулярно выезжали и на еженедельный рынок в соседний город Хасавюрт, где общение шло на русском и кумыкском языках. Вместе с тем в селе устойчиво сохранялось языковое общение на кубачинском языке. Сказывалось то, что в Сулевкенте, так же, как в с. Ашты, устойчиво сохранялся традиционный быт и праздничная культура вплоть до начала 1980-х годов.

Начало формирования явлений двуязычия в кубачинском языке

Исторически кубачинцы больше общались с соседним даргинским, а также равнинным кумыкским населением и городскими жителями г. Дербента. Поэтому здесь, кроме кубачино-даргинского, формировалось кубачино-тюркское двуязычие. Оно было необходимо для торговли и закупок зерна на равнине. Потому языком межнационального общения для кубачинцев к началу XX в. стал азербайджанский или кумыкский язык [Джидалаев, 2004: 31]. Посемейный список 1886 г., наряду с кубачинскими антропонимами (хотя и написанными без

учета алфавита кубачинского языка), содержит сведения о том, что в этом селе 13 жителей владеет арабским языком. Арабский язык был языком учености и религии.

С конца XIX в. растет интерес к русскому языку. Но при этом в селе еще никто не владел им. Возможно, переписчики указывали лиц, только хорошо знавших русский язык, т.к. к этому времени многие мастера с. Кубачи выезжали в города Кавказа на заработки. Они занимались ювелирным делом, популярным тогда в городских условиях. Жизнь отходников в городах способствовала знакомству с городской культурой, с русским языком, появлению в их речи русских слов. На функционирование кубачинского языка тогда эти новации существенно не влияли. Отходники, как правило, летом приезжали в родное село и проживали здесь несколько месяцев. И скорее всего, они могли иногда употреблять в беседах с земляками эти «городские слова». С того времени в кубачинском языке появились новые антропонимы: имена *Миша* (городской вариант имени «Магомед»), *МатИушка* («русская женщина»), *Машанна* («машина»), *Израсти* («здравствуй»), *Гюрус* (русский), *Маскав* («Москва») и др. [Абакарова, 1996: 63].

Интересны данные Посемейного списка о двуязычии кубачинцев в этот период. В списке 1886 г. по Кубачинскому сельскому обществу не указан ни один кубачинец, знающий русский язык. И это отчасти верно, так как, когда будущий академик Д.Н. Анучин в 1882 г. бывал в Кубачи, никто не мог с ним объясниться без переводчика. Но не были случайными слова того же Д.Н. Анучина, что среди кубачинцев были «немногие», кто «по русски понимают». Однако в Посемейном списке не названы имена лиц, хотя бы слабо владеющих русским языком. В графе № 13 списка «знание русского (государственного) языка» везде запись «не знает».

В списке указаны 13 человек, владеющих арабским языком. Перед революцией их число было больше. Кроме того, по словам ученого, «грамотных между ними (кубачинцами. – А.М.) очень много, даже между женщинами, что в соседних аулах редкость» [Магомедов, 2018: 70–71]. Вероятно, речь идет об умении писать с использованием арабской графики (аджам) для передачи кубачинской речи.

Советская эпоха и развитие кубачинско-русского двуязычия

Ситуация с двуязычием изменилась в первые десятилетия советской власти. Число знатоков арабского языка в Кубачи резко сократилось к началу 1930-х годов. Преследование духовенства, перевод письменности на латинское, а с конца десятилетия на кириллическое письмо были тому причиной. Но со временем, с уходом старших поколений, сократилось до нуля и число тех кто пользовался латинским письменным или кириллицей. В дальнейшем усиливается влияние русского языка. Партийно-советский актив, учителя уже чаще говорили

на русском языке. С конца десятилетия в школах шло обучение на кириллическом алфавите, алфавите русского языка и культуры.

До революции, как мы отмечали выше, многие кубачинцы неплохо знали кумыкский язык, а также лакский язык. Кумыкский язык был нужен для торговли и общения с равнинным (кумыкским) населением, откуда кубачинцы получали зерно, другие товары, а лакскому языку многие кубачинцы выучились во время совместной работы в местах выезда на заработки, в городах Кавказа и частого посещения ими широко известного в Дагестане еженедельного базара в с. Казикумух. Интересен факт, что, по информации профессора И.Х. Абдуллаева, в 1923 г. во время проведения собрания мастеров с. Кубачи с обсуждением вопроса об организации здесь художественной артели возник вопрос о том, на каком языке вести собрание. Поскольку инструктор Дагкустпромсоюза, приехавший из Махачкалы для проведения собрания, был лакцем, кубачинские мастера предложили ему вести собрание на лакском языке (а не на русском). При этом они сослались на то, что им все будет понятно на это языке [Абдуллаев, 2010]. Импульс развитию кубачинско-русского двуязычия дало школьное образование. В том же Кубачи еще в 1950 г. Кубачинская неполная средняя школа была преобразована в среднюю школу. В школе в то время работало немало русских учителей, приехавших из России (А. Соколова из Ставрополя и др.) [Гусейнов, 2000: 59]. Именно средняя школа дала своеобразный старт активному развитию практик русской речи и знакомству молодежи с городской культурой. В конце 1950 – начале 1960-х годов высшее образование получили в Махачкале многие местные кубачинские учителя. От них учились русскому языку и школьники. В это же время многие выпускники средней школы стали поступать в вузы. По завершении учебы они уже свободно владели русским языком. Выпускники вузов по тогдашней традиции едут с семьями по распределению в города СССР. В таких семьях, как правило, начинают общаться на русском языке. Так формируется феномен «русскоязычных» кубачинских семей.

Особое влияние на процессы забвения кубачинского языка оказывал выезд в 1950–1960-е годы мастеров на постоянное жительство в города ДАССР, Северного Кавказа, Средней Азии, Казахстана [Магомедов, 2003: 111]. Выезжали взрослые мастера, выезжала молодежь, которая избрала не образование, а мастерство. Опираясь на материалы, полученные в результате наших полевых наблюдений [Магомедов, 2015–2020], кратко опишем новые процессы, касающиеся языковой ситуации. Я, как уроженец с. Кубачи (род. в 1949 г.), мог наблюдать эти процессы. Мои родители, коренные кубачинцы, в трудные годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное время (до 1951 г.) жили в г. Дербенте. Здесь они общались с горожанами в основном на азербайджанском и реже на лезгинском языке, т.к. отец часто выезжал в

лезгинские районы Юждага. Потребность в русском языке была тогда минимальной. Конечно, в Дербенте в школах, а также при посещении различных госучреждений знать русский язык нужно было, но общение с соседями, коллегами, людьми на улице, с торговцами на базаре шло на азербайджанском языке. Кроме Дербента, после войны много кубачинцев переехало в Махачкалу, Буйнакск, Хасавюрт. Так, семья моей супруги в конце 1950-х годов оказалась в Махачкале. Их отца пригласили работать художником по народным промыслам в Министерство местной промышленности Дагестана. Дети его родились в Кубачи, а в школу пошли уже в городе. Несмотря на то, что они росли и воспитывались до школы в селе и знали родной язык, в условиях города они быстро освоили и русский язык. А став взрослыми (по окончании школы), они уже разговаривали между собой преимущественно на русском языке. Контролировать речь им было трудно, т.к. мышление в школьный период сформировалось на русском языке. Их мать была малограмотной, но, став горожанкой, и она начала разговаривать с внуками на ломаном русском языке. У нее появлялась неуверенность в том, что дети ее поймут, если она будет говорить на родном языке. Ее внуки уже не умели разговаривать на кубачинском языке. Знание кубачинского языка сохранялось лишь среди детей в тех семьях, которые ежегодно на лето выезжали в родное село.

Или другой пример. В 1950-е годы мои родные – дядя, старший брат выехали на заработки в азербайджанский г. Ленкорань, где прожили до начала 1990-х годов. Тогда многие выезжали на заработки в эту соседнюю республику. У многих из них сохранялась историческая память о том времени, когда их предки до революции работали в городах Азербайджана. Потому часто они поселялись в тех селах, городах, где в прошлом работали их предки или родственники.

В городах Азербайджана в то время также расширялось знание русского языка. В том же г. Ленкорань функционировала большая русская школа, жили русские офицерские семьи (в советское время город считался приграничным), семьи армян, представителей других национальностей. Поэтому наряду с азербайджанским языком в качестве языка межнационального общения в городе широкое развитие получил русский язык.

Из семей моих кубачинских соседей, семей моих одноклассников в 1960-е годы многие также выезжали на заработки в города республик Средней Азии, в частности в Казахстан. Такие выезды в то время не сказывались на знании родного языка. Женщины-матери на местах отхода, как правило, вели домашнее хозяйство, а дети после школы общались дома на родном языке. Телевидения еще не было. Матери были из тех первых поколений, кто в родном селе в свое время окончил начальную или семилетнюю школу. Но при этом они почти не знали

русский язык и потому семейное общение поддерживалось на родном языке. Уже позже более образованные молодые матери могли отвечать детям на русском языке.

Развитие явлений кубачинско-русского двуязычия в последней трети XX в. и в начале XXI в.

В 1920–1930-е годы, когда вырабатывалась языковая политика дагестанских властей на перспективу, была надежда, что бесписьменные языки сольются с письменными (литературными) языками. Но прошедшие сто лет показали, как пишет исследователь Б.М. Атаев, что «неминуемого исчезновения бесписьменных языков малочисленных народов путем слияния с языком более многочисленного народа в Дагестане не наблюдается» [Атаев, 2019: 130]. При этом бесписьменные языки продолжают функционировать, как и в предыдущую эпоху, в своих узких сферах общения. Это касается и кубачинского языка. По сравнению с другими дагестанскими бесписьменными языками значительно изменилось его функционирование. На сегодня исчезли многие его составляющие, а главное, развившееся кубачинско-русское двуязычие часто превращается в условиях городской культуры в русское моноязычие. Поэтому, думается, сегодня теряют свою актуальность исследовательские споры о том, что собой представляет кубачинский идиом сегодня – это отдельный язык или диалект даргинского языка? Более того, заметно сегодня и отчуждение кубачинского языка от даргинского. Так, при контактах кубачинцев даже с чиновниками районного центра, при которых раньше использовался в основном даргинский язык, сегодня мы слышим уже только русскую речь. Такая же ситуация сложилась на еженедельных базарах.

Кубачинский язык в отличие от других дагестанских бесписьменных языков развивался в последней трети XX – начале XXI в. в условиях интенсивного проникновения в среду кубачинцев городской культуры. Ремесленные традиции села стимулируют его контактность прежде всего с городской культурой. Это происходит при исчезновении исторических форм компактного расселения кубачиноговорящего населения. Так, мы уже писали выше, еще в XIII в. произошло отселение с кубачинской территории носителей аштынского говора, в 1944 г. носители сулевкентского говора (с. Сулевкент) были отселены в Чечню, а в 1957 г. произошло их обратное отселение в Дагестан, но не на историческую территорию рядом с с. Кубачи, а в Хасавюртовский район ДАССР [Магомедов, Саидов-Аккутта, 2010: 7].

В дореволюционный период теснота общения носителей говоров кубачинского языка была большей, чем сегодня. Отходничество, в основном характерное для мастеров с. Кубачи и Сулевкент, было сезонным или продолжалось (обычно) год. При этом хозяйственное и бытовое общение жителей с. Ашты с жителями сел Кубачи и Сулевкент было неинтенсивным. Дело в

том, что с. Ашты находилось в 30 км западнее от Кубачи, а сулевкентцы жили всего в трех километрах к югу от села в урочище притока реки Хвала акІв.

В первые десятилетия советского времени (примерно до середины 1960-х годов) сохранялась такая ситуация. Но в последней трети XX в., и особенно после 1990-х годов, динамика изменений в кубачинском языке весьма существенна. В новых условиях главным средством межэтнического общения стал русский язык. Советская политика культурной революции, индустриализации, районирование горных территорий значительно усилило развитие русскоязычной культуры даже в сельских районах Дагестана. Хотя в это время многое делалось и для развития национальных школ, национальных языков, приоритетным стал русский язык. Более того, в отдельные годы русский язык насаждался полудирективными методами. На возникновение проблемы забвения кубачинского языка сильно повлияло развитие среднего школьного образования. С середины 1960-х годов в Кубачинской СОШ преподавание во всех классах стало вестись на русском языке.

В последние десятилетия число городских семей, где внуки почти не знают кубачинского языка, значительно выросло. Интерес к родному языку резко упал. Причиной тому стало и формирование новых поколений, родившихся в городах. Кубачинско-русское «моноязычие» со слабым использованием кубачинско-русского двуязычия стало нормой для подавляющего большинства городских кубачинских семей. Мощным фактором развития такого явления становятся СМИ, Интернет, сотовая связь.

Безусловным фактором утраты кубачинского языка становится отсутствие обучения языку в школе. В городских школах дети легко осваивают русский язык. Как признают исследователи, язык может легко умереть, если нет механизма передачи языка подрастающему поколению. Это уже стало сегодня аксиомой. Для бесписьменных языков Дагестана, того же кубачинского, это особенно становится характерным.

Причины забвения языков исследователи делят на три основные группы: физические, экономические и социально-политические. Умиранию языков может способствовать только одна из этих причин, любые две или все три. Существуют языки, которые выживают несмотря на наличие всех этих причин, например еврейский, но есть языки, которые становятся уязвимыми уже после наступления только одной из этих причин [Линдзи, 2020]. Кубачинский язык был в числе таких. Этому способствует и то, что этническая самоидентификация кубачинцев [Сотавова, 2004] в последние десятилетия основывается в большей степени на исторических традициях художественных ремесел (преимущественно ювелирное дело). Даже при незнании языка проблема идентичности здесь не возникает. Этому способствует и то, что в общественном быту во многом сохраняется историческая традиция брать в жены

(выходить замуж) своих землячек. Потому молодежь, даже не знающая кубачинского языка, соотносит себя с кубачинским этносом. Относить себя к этому этносу престижно и в силу общепризнанных художественных достоинств произведений народных мастеров этого известного центра народных промыслов России.

Несколько иначе сегодня идет развитие других кубачиноговорящих сел – Ашты и Сулевкент. Так получилось, что в силу хозяйственных традиций жители этих мест более тесно контактировали с носителями даргинского языка. К 1960-м годам они намного лучше знали даргинский литературный язык, и потому в них устойчиво развивается даргинско-русско-аштынское или даргинско-русско-сулевкентское трехязычие. Но и в этих селах к концу века происходят важные изменения. Так, в 1990-е годы из такого некогда крупного населенного пункта, как Ашты, многие уехали в города Дагестана, где освоили городские специальности. В городских условиях, как и у переселенцев из Кубачи, на утрату родного языка (кубачинского говора) влияют смена поколений, русскоязычное школьное образование, отсутствие компактного расселения [Гаджимурадов, 2016].

Более устойчив процесс сохранения сулевкентского говора. По возвращении после вынужденного отселения сулевкентцам было выделено для строительства нового села место в Хасавюртовском районе ДАССР [Магомедов, Саидов-Аккутта, 2010: 12]. В общении с жителями соседних сел, горожан Хасавюрта, они стали широко использовать русский язык. В новом селе почти все сулевкентцы забросили гончарное дело и осенью стали выезжать на заработки в различные регионы России (на лесосплав в Алтай, на строительство кошар и др. работы). В местах отхода сулевкентцы также общались с местным населением на русском языке. Но в отличие от аштынцев здесь до сегодняшнего времени сохраняется компактное расселение. Село Сулевкент большое. Здесь значительно меньше, чем в Ашты и Кубачи, отток жителей в города. Более устойчиво бытует в семьях и сулевкентская речь, хотя существует и кубачинско-русское двуязычие.

Проблема сохранения кубачинского языка на сегодня достаточно труднорешаемая задача. Во многом процессы объективны и простого разрешения этой проблемы нет. В качестве мер сохранения и ревитализации кубачинского языка можно лишь рекомендовать научное изучение языка, составление различных словарей, подготовку самоучителей, других пособий, использование для этих целей компьютерных технологий. В этом направлении есть определенные успехи. На сегодня изданы кубачинско-русский словарь, материалы по кубачинскому фольклору, сборники авторских песен на кубачинском языке. В последние годы ревитализации языка способствует и песенная (свадебная) культура кубачинцев, инициатором возрождения которой выступил поэт-песенник М.А. Ахмедов (см. раздел Приложение). Как

центр компактного проживания, развитие получает село Кубачи. Из села уже меньше уезжают в города. Нормой становится жизнь кубачинцев на два поселения – в городе и в селе (в городах многие имеют в собственности квартиры, дома). В с. Кубачи построены новая школа, дом культуры.

Заключение

Таким образом, первые самостоятельные традиции письменности на кубачинском языке в форме аджамского письма (арабографическое) существовали еще до революции. Но в 1930-е годы в результате запретительной политики новой власти они были забыты. Развитие традиций кубачинской письменности на кириллице на русском языке уже относится к 1990-м годам, когда появились букварь, алфавиты кубачинского языка Н.И. Саидова (Аккутта), А.А. Магометова, А.Дж. Магомедова, публикации авторских рассказов на кубачинском языке И.А. Шамова, стихи и песни на кубачинском языке М.А. Ахмедова (см. раздел Приложение), кубачинские фольклорные тексты, собранные учеными Ф.О. Абакаровой, Ф.А. Алиевой, другими авторами.

Для носителей кубачинского языка исторически в разной степени бытования характерны кубачинско-даргинское, кубачинско-арабское (характерно для деятелей культа), кубачинско-лакское (характерно для мастеров, работающих с лаками в местах отходничества), кубачинско-кумыкское (азербайджанское) двуязычие. В начале XX в. формируется также кубачинско-русское двуязычие. Эти формы билингвизма наиболее характерны для жителей с. Кубачи. С середины 1960-х годов билингвизм, развившийся в условиях распространения городской культуры и русского языка, быстро распространяется среди молодого поколения сельчан-кубачинцев. При этом нередко использование русского языка в речевом общении начинает опережать практики кубачинской речи.

В XX в. усиливается автономность развития говоров кубачинского языка, т.е. уходят в прошлое практики их взаимодействия между собой, так как уменьшается компактность расселения жителей сел Кубачи, Ашты и Сулевкент. Автономность территорий говоров значительно усиливается в годы советской истории. Кубачинцы (жители с. Кубачи) в силу исторического развития, бытовых традиций, а также особенностей хозяйственной специализации (население преимущественно было занято ремесленным трудом), организации здесь в 1920-е годы художественной артели, отходничества (мастера выезжали, как правило, в города) быстрее оказались вовлеченными в сферу городской культуры.

В 1944 г. население Сулевкента было отселено на места депортированных чеченцев. По возвращении в Дагестан в 1957 г. они были расселены на территории многонационального

Хасавюртовского района, где оказались вовлеченными в русскоговорящую среду. Неоднократные переселения серьезно подорвали языковые традиции сел. Забылся значительный пласт лексики говоров, ослабили многие их коммуникативные функции.

В процессах утраты кубачинского языка (лексики, фольклора и др.) большую роль играет обучение в школе. Особенные последствия для того же кубачинского языка имело школьное образование в условиях города. Известно, что города Дагестана в советское время формировались как многонациональные коллективы, где языком межнационального общения становится русский (г. Кизляр), русский и кумыкский (г. Махачкала), кумыкский (гг. Буйнакс, Хасавюрт), азербайджанский и русский (г. Дербент) языки.

Важным фактором сужения поля функционирования кубачинского языка во внутриэтническом общении стало появление госучреждений, СМИ, телевидения, Интернета, сотовой связи, функционирующих на русском языке. Попытки власти сохранить в этих сферах источники языкового образования даже для письменных языков не всегда увенчивались успехом. Для бесписьменных языков вообще не формировались такие очаги языковой культуры и образования.

Во второй половине XX в. пошло разрушение и традиций поколенной трансмиссии языковой культуры в семье. Третье поколение (внуки) тех же горожан кубачинцев сегодня почти не знает языка. Такое явление характерно для кубачиноговорящего населения всех трех кубачинских сел (Кубачи, Сулевкент, Ашты).

На процессы утраты кубачинского языка (речи) значительно влияет образование родителей-горожан, т.к. в городе основным языком общения является русский язык. Как правило, это семьи интеллигенции – учителей, врачей, чиновников и др. Забвение языка, в первую очередь, происходит в таких семьях.

На процессы забвения кубачинского языка влияет и то, что этническая самоидентификация кубачинцев (жителей основного села Кубачи) основывается в большей степени на исторических традициях художественных ремесел. В прошлом и сегодня эти отрасли тесно связаны с городской культурой. Даже при незнании языка проблемы идентичности для кубачинца не возникает [Сотавова, 2004]. Поэтому среди кубачинцев и развивается «кубачинско-русский билингвизм», для которого характерны практики общения (внутрисемейного, группового), при котором в речевом общении превалирует русская лексика.

Известно, что сегодня городская культура развивается в условиях глобализации. Она объемлет практически все области общения и информационного пространства. Традиционной культуре уже мало места в этом пространстве. Кубачинский язык в этих условиях сохраняется

лишь на уровне бытового общения старших поколений, родившихся в 1940–1950-е годы, и в местах компактного проживания кубачинцев (села Кубачи, Ашты, Сулевкент). При этом молодежь активно пользуется в речевом общении русским языком. Да и традиционная культура сегодня в селах ослабевает. Более устойчива свадебная культура населения, живущего в селах. Сужается социальная дистанция между селами, где еще компактно проживают носители кубачинского языка, и городами. В связи с падением спроса на традиционные кубачинские изделия в последние десятилетия все больше молодежи в поисках заработков переселяется в города. Это еще один фактор, приводящий к росту билингвизма и забвению кубачинского языка. С другой стороны, интерес к языку у тех же жителей с. Кубачи еще подогревает массовая песенная культура на кубачинском языке (см. Приложение к статье), инициативы отдельных активистов развивать среди молодежи общение на кубачинском языке с использованием сотовой связи и др.

Литература

- Абакарова Ф.О. (1996) Кубачинский фольклор: этнолокальные особенности. Махачкала: Дагкнигоиздат. 264 с.
- Абдуллаев И. Х. Информация записана 2.03.2010 г. Махачкала. Тетрадь № 1. Архив А.Дж. Магомедова.
- Анучин Д.Н. (1884) Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского русского географического общества // Известия Имп. русск. геогр. Общества. Т. XX. СПб.: Типография А.С. Суворина.
- Атаев Б.М. (2019) Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие // Языки в полиэтническом государстве: Развитие, планирование, прогнозирование: Материалы Международной конференции. 2019. Улан-Удэ: Бурятский НЦ СО РАН. С. 129–132.
- Багамаева М.С. (уроженка с. Сулевкент). Информация записана 10. 06. 2016 г. Махачкала. Тетрадь № 1. Архив А.Дж. Магомедова.
- Гаджимурадов М.Т. (уроженец с. Ашты, к.и.н.). Информация записана 11. 06. 2016 г. Махачкала Тетрадь № 1. Архив А.Дж. Магомедова.
- Гусейнов А.Г. (2000) Кубачи и кубачинцы. Махачкала: Дагкнигоиздат. 278 с.
- Джидалаев Н.С. (2004) Тенденции функционального развития языков в дореволюционном Дагестане: (К характеристике языковой ситуации). Махачкала. 288 с.
- «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: (тексты и комментарии) / Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии; Сост. Д.М. Маламагомедов; Пер. с азерб. языка Г.М.-Р. Оразаев и др. Махачкала: МавраевЪ, 2012. 407 с.
- Линдзи К. Что исчезает до того, как умирает язык. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyvapy.pf/ru/content/chto-ischezaet-do-togo-kak-umiraet-yazyk/>. Дата обращения: 10.09.2021.
- Магомедов А.Дж. (2003) Художественные промыслы Дагестана в XX в. Реалии практики и позиция власти. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН. 226 с.
- Магомедов А.Дж. (2018) Традиционные ремесла и культура села Кубачи: материалы Посемейного списка 1886 г. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН. 176 с.
- Магомедов А.Дж. Материал, записанный в 2015–2020 гг. Тетрадь № 1. Архив А.Дж. Магомедова.

- Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И. (2010) Кубачи: Язык и фольклор / Отв. ред. Г.Г. Тикаев. Махачкала: Наука ДНЦ. 584 с.
- Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И. (2017) Кубачинско-русский словарь / Отв. ред. Х.А. Юсупов. М.: Наука. 544 с.
- Магомедов А.А. (1963) Кубачинский язык. Исследования и тексты / Отв. ред. А.С. Чикобава. Тбилиси: АН ГрССР. 341 с.
- Сотавова М.М. (2004) Двужычие и идентичность в Дагестане: принципы взаимодействия в постсоветских условиях. Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 : М. 192 с.

Reference

- Abakarova, F.O. (1996) Kubachinskij fol'klor: etnolokal'nye osobennosti [Kubachi folklore: ethnolocal features]. Mahachkala: Dagknigoizdat. 264 p. (In Russ.)
- Abdullaev, I.H. Informaciya zapisana 2.03.2010 g. [Information recorded on 2.03.2010]. Mahachkala. Tetrad' № 1. Arhiv A. Dzh. Magomedova. (In Russ.)
- Anuchin, D.N. (1884) Otchet o poezdke v dagestan letom 1882 goda, sovershennoj pri sodejstvii imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882, made with the assistance of the Imperial Russian Geographical Society] // Izvestiya Imp. Russk. Geogr. Obshchestva. Vol. XX. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina. (In Russ.)
- Ataev, B.M. (2019) Yazykovaya situaciya v Dagestane: istoriya i razvitie [The language situation in Dagestan: history and development] // Yazyki v politnicheskom gosudarstve: razvitie, planirovanie, prognozirovanie: materialy mezhdunarodnoj konferencii. Ulan-ude: buryatskij nc SO RAN. Pp. 129–132. (In Russ.)
- Bagamaeva, M.S. (urozhenka s. Sulevkent). Informaciya zapisana 10.06.2016 g. [Native of s. Sulevkent. Information recorded on 10.06.2016 Makhachkala]. Mahachkala. Tetrad' № 1. Arhiv A.Dzh. Magomedova. (In Russ.)
- Gadzhimuradov, M.T. (urozhenec s. Ashty) [Native of the village Ashty]. Informaciya zapisana 11.06.2016 g. Mahachkala tetrad' № 1. Arhiv A.Dzh. Magomedova. (In Russ.)
- Gusejnov, A.G. (2000) Kubachi i kubachincy [Kubachi and Kubachintsy]. Mahachkala: Dagknigoizdat. 278 p. (In Russ.)
- Dzhidalaev, N.S. (2004) Tendencii funkcional'nogo razvitiya yazykov v dorevolucionnom Dagestane (k harakteristike yazykovoj situacii) [Trends in the functional development of languages in pre-revolutionary Dagestan (On the characteristics of the language situation)]. Mahachkala. 288 p. (In Russ.)
- «Derbend-name» na yazykah narodov Dagestana: (teksty i kommentarii) ["Derbend-name" in the languages of the peoples of Dagestan: (texts and comments)] / Dagestanskij nauch. Centr, in-t istorii, arheologii i etnografii; Sost. D.M. Malamagomedov; Per. s azerbajdzhanskogo yazyka G.M.-R. Orzaev i dr. Mahachkala: Mavraev, 2012. 407 p. (In Russ.)
- Lindzi, K. Chto ischezaet do togo, kak umiraet yazyk [What disappears before the language dies]. Url: <https://suvary.rf/ru/content/chto-ischezaet-do-togo-kak-umiraet-yazyk> Access date: 28.09.2021. (In Russ.)
- Magomedov, A.Dzh. (2003) Hudozhestvennye promysly Dagestana v XX v. Realii praktiki i poziciya vlasti [Artistic crafts of Dagestan in the twentieth century. The realities of practice and the position of power]. Mahachkala: IYALI DNC RAN. 226 p. (In Russ.)
- Magomedov, A.Dzh. (2018) Tradicionnye remesla i kul'tura sela kubachi: materialy posemejnogo spiska 1886 g. Mahachkala [Traditional crafts and culture of the village of Kubachi: materials of the family list of 1886 Makhachkala]. IYALI DNC RAN. 176 p. (In Russ.)
- Magomedov, A.Dzh. Material, zapisannyj v 2015-2020 gg. Tetrad' № 1 [Material recorded in 2015–2020 Notebook No. 1]. Arhiv A.Dzh. Magomedova. (In Russ.)

- Magomedov, A.Dzh., Saidov-Akkutta, N.I. (2010) Kubachi: yazyk i fol'klor [Kubachi: Language and Folklore] / Otv. red. G.G. Tikaev. Mahachkala: Nauka DNC. 584 p. (In Russ.)
- Magomedov, A.Dzh., Saidov-Akkutta, N.I. (2017) Kubachinsko-russkij slovar' [Kubachi-Russian dictionary] / Otv. red. H.A. Yusupov. M.: Nauka. 544 p. (In Russ.)
- Magometov, A.A. (1963) Kubachinskij yazyk. Issledovaniya i teksty [Kubachin language. Research and texts] / Otv. red. A.S. Chikobava. Tbilisi: AN Grssr. 341 p. (In Russ.)
- Sotavova, M.M. (2004) Dvuyazychie i identichnost' v Dagestane: principy vzaimodejstviya v postsovetских usloviyah [Bilingualism and identity in Dagestan: principles of interaction in post-Soviet Conditions]. Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07. M. 192 p. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Профессиональные и самодеятельные певцы,
исполняющие произведения на кубачинском языке на стихи М.А. Ахмедова**

Загра Магомедова (Кайтагский район РД, с. Баршамай), з. а. РД
Пирдаус Камалова (Дахадаевский район РД, с. Харбук), з. а. РД
Умайра Шахбанова (Дахадаевский район РД, с. Кунки), з. а. РД
Магомедкади Бахмудов (Дахадаевский район РД, с. Худуц), з. а. РД
Гаджикурбан Урганаев (Дахадаевский район, с. Кубачи)
Заира Алкаева (Дахадаевский район РД, с. Карбачимахи)
Салихат Омарова (Дахадаевский район РД, с. Дибгаши)
Зульфия Ильясова (Акушинский район РД, с. Геба), з. а. РД

**Видеофильмы, размещенные на каналах YouTube, и видеодиск,
посвященные творчеству кубачинского поэта-песенника М.А. Ахмедова**

<https://www.youtube.com/watch?v=fPwERerbwcs>

«Адамти ва замана» («Люди и время»). Передача РГВК от 21 января 2008 г. о кубачинском поэте Мажиде Ахмедове. Запись Республиканского государственного вещательного канала «Дагестан» им. Г.М. Курбанова (РГВК).

<https://www.youtube.com/watch?v=eEy23UUm7b8&t=2s> «Даргала анкьи» («Даргинский очаг»). Передача РГВК о кубачинском поэте Мажиде Ахмедове 20 февраля 2014 г. Запись Республиканского государственного вещательного канала «Дагестан» им. Г.М. Курбанова (РГВК).

<https://www.youtube.com/watch?v=4kXYplYXMeA>

Кубачинский поэт-песенник Мажид Ахмедов (Къунухъ Мажид) 2016 г. Передача и запись Республиканского государственного вещательного канала «Дагестан» им. Г.М. Курбанова (РГВК). 2016. (На кубачинском яз.)

<https://www.youtube.com/watch?v=OPsf38Z58iU&t=27s> Кубачинский поэт-песенник Мажид Ахмедов. Запись Республиканского государственного вещательного канала «Дагестан» им. Г.М. Курбанова (РГВК). 2017.

<https://www.youtube.com/watch?v=09XhmS-uuCk&t=1108s>

«Адамти ва замана» («Люди и время») от 23 мая 2019 г. Презентация книги Мажида Ахмедова "Гяхдешцун биреная" (Делайте только добро) 24 апреля 2019 г.: Юбилейный вечер, посвященный 85-летию поэта-песенника Мажида Ахмедова. Запись Республиканского государственного вещательного канала «Дагестан» им. Г.М. Курбанова (РГВК). 2019.

Видеодиск: Ахмедов М.А. Кубачинские песни. К 75-летию кубачинского поэта М.А. Ахмедова. 2010. Запись Махачкалинской фирмы «Прибой». (Хранится у нас. – А.М.)

Магомедов Амирбек Джалилович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН;

Адрес: 367025, г. Махачкала, Российская Федерация, ул. М. Гаджиева, 45.

Для цитирования: *Магомедов А.Дж.* Городская культура и бесписьменный язык (на материале кубачинского языка). [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 69–84. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-69-84

For citation: *Magomedov, A.Dzh.* Urban culture and oral language (on the materials of the Kubachi language) [online] // Sociolinguistics. 2021. No. 3 (7). Pp. 69–84. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-69-84. (In Russ.)